

13 Июль 1969

Газета №

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК ЗА РУБЕЖОМ

ОЧАРОВАННАЯ ДУША

СТО лет существует оперный театр в Каире. Но ни разу за целый век египтяне полностью своими силами не показали ни одного спектакля. В лучшем случае в оперные труппы допускалось несколько арабов, основные же роли в спектаклях брали на себя иностранцы, в основном из Италии, получавшие за выступления огромные гонорары.

Спору нет, итальянцы — признанные мастера певческого искусства. Но значит ли это, что египтяне не могут создать свою оперную труппу? До недавнего времени мало кто в Каире верил в это. Происходило нечто похожее на то, что имело место в России во времена молодого Глинка: опера — это дело иностранцев. Вот и получалось, что, как только речь заходила об опере, арабы в своем театре были зрителями, а не участниками спектакля.

Арабские певцы и певицы учились в Каире, набирались мастерства в Западной Европе, но по возвращении на родину, как правило, находили каирский театр для себя закрытым. Постоянной оперной труппы не было. Люди срочно переqualificировались, используя знание иностранных языков и умение держаться перед публикой. Конторы банков, страховые агентства, авиакомпании, а не оперная сцена и концертные залы становились местом их работы.

Вокалисты по-хорошему зави-

двали своим друзьям — артистам балета, которые под руководством советских мастеров поставили такие шедевры балетного искусства, как «Щелкунчик», «Жизель», «Бахчисарайский фонтан».

Но пришел и на их улицу праздник. Нужно было побывать за кулисами каирского театра после первой поставленной силами арабов оперы «Чио-Чио-Сан», чтобы до конца понять радость участников спектакля и почувствовать их сердечную, актерски несдержанную, восторженную благодарность тому человеку, который помог им осуществить мечту. Этот человек — народный артист Грузинской ССР, лауреат Государственной премии 70-летний профессор Давид Георгиевич Бадридзе.

Он приехал в Каир два года назад на должность заведующего вокальной кафедрой Каирской консерватории. Никто не поручал ему организовать оперную труппу, никто не просил его об этом. Но готовить певцов и не знать, как и где они смогут потом проявить свой талант, — не в правилах старого профессора. Молодежь должна быть уверенной в своем будущем, молодежи надо помочь.

И работа началась. Поездки по египетским городам, прослушивание певцов, уже отчаявшихся когда-либо выступить в большом, настоящем спектакле. Это

было по сути дела то, что мы называем работой на общественных началах. Но вряд ли профессор Бадридзе задумывался над квалификацией своих усилий. Просто это в крови ветерана советской сцены, чья душа очарована молодыми талантами.

Давида Георгиевича хорошо знают, например, в народной Корее, где в 1958 году он поставил оперу «Евгений Онегин». Три года спустя вьетнамские певцы под его руководством осуществили постановку этого же спектакля на ханойской сцене. Три ордена ДРВ увез тогда на родину грузинский профессор.

И вот сейчас — Каир. И снова — успех, но успех, давшийся труднее, чем другие, добытый в схватке с неверием высокопоставленных и робостью простых египтян, в нелегком поединке с ревнивой враждебностью западных мастеров.

Собственно, эта победа была одержана еще до постановки спектакля, уже на конкурсе кандидатов на исполнение главной партии в опере — партии Ваттерфляй. Прошедшие выучку у итальянских профессоров, так называемые «аккредитованные» египетские певицы отказались поначалу участвовать в предложенной Бадридзе постановке. Советский профессор взялся за подготовку исполнителей из числа тех, кого разыскал при помощи арабских друзей.

И когда дело дошло до печатания афиш о премьере «Чио-Чио-

Сан», маститые певицы исположились, взяли свой отказ обратно и потребовали от министерства культуры дать им роли в спектакле. Бадридзе дипломатично посоветовали «взять в труппу лучших». Был объявлен конкурс. Шесть участниц — три подготовленные в классе Бадридзе и три «аккредитованные» певицы — предстали перед комиссией, в состав которой вошли, кроме египтян, два итальянца и француз-женка. Тайным голосованием победили все три воспитанницы советского профессора.

ПРЕМЬЕРА окончательно поставила точку над «и». Национальная оперная труппа в ОАЭ родилась. И пусть ей предстоит еще много работать, самое важное — первый шаг сделан. После спектакля я разговаривал с исполнителем главной мужской роли в опере «Чио-Чио-Сан» Хасаном Ками. Ему 28 лет. Работает в авиакомпании «Тунис-эр». Мечтает о том, чтобы целиком отдаться любимому делу — опере.

— Сейчас наша главная задача, — говорит он, — сделать оперную труппу профессиональной, постоянной. Трудно себе представить, как смог maestro Бадридзе один, без режиссера и других помощников, поставить такую трудную оперу, как «Чио-Чио-Сан», с нами, не имеющими опыта и, кроме того, работавшими на стороне. Ведь мы приходили на репетиции только после на-

шей основной работы. Бадридзе вселил в нас веру в наше искусство. До этого я никогда не сталкивался с советскими людьми. Сейчас я знаю: поистине великая страна, у которой есть такие преданные своему делу люди, как наш профессор Бадридзе.

Хасан сказал: «наш». Наверное, так же о Давиде Георгиевиче говорят корейцы и вьетнамцы, поляки и болгары, все, с кем он работал, кому щедро отдавал все свои знания и опыт. И, наверное, так же говорят о нем те, кто был молодым в начале 20-х годов, когда врач по образованию Давид Бадридзе создавал первые в Закавказье советские физкультурные коллективы, работал в Поволжье директором детского дома, так говорят о нем те, кто в течение 8 лет видел его днем в белом халате врача, а вечером — на сцене оперного театра, кто потом 15 лет наслаждался его голосом в зале Большого театра, кто потом учился у него в Тбилисской консерватории.

ПОСЛЕ спектакля к Давиду Георгиевичу подошел итальянец, тот, кто заседал в комиссии конкурса:

— Зачем вы столько сердца отдаете этой египетской труппе? Ведь вам 70 лет. Берегите здоровье. Вы думаете, вас тут до конца поймут?

— Поймут, дорогой коллега! Уже поняли. А что до здоровья, так для того человек и живет, чтобы там, где он прошел, остались следы его сердца...

А. РЕПИН.

(Соб. корр. «Труда»).

КАИР.